

ВЫПУСКНОЙ
КЛАСС

Бег по взлётной

Тори Ру

ПОЛОС

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р82

Серийное оформление,
иллюстрация на обложке: *Диана Бигаева*

Ру, Тори.

Р82 Бег по взлетной полосе / Тори Ру. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Выпускной класс).

ISBN 978-5-17-161609-0

Яна несчастна. Человеком, который поддерживал ее веру в себя, был отец — но его больше нет. Когда-то Яна мечтала петь, но теперь голос исчез — ее как будто вообще никто больше не слышит. А когда мама с головой погружается в новые отношения, жизнь окончательно становится невыносимой: отчим пытается изображать «доброго папочку» с подозрительным энтузиазмом.

Кит — ненормальный. Это очевидно каждому, кто хоть что-то о нем слышал — а хоть что-то о Никите Сеницыне слышал в небольшом городе почти любой. У Кита татуировка на лице, он дерется со сверстниками, делает дикие вещи на камеру и выкладывает в сеть. Он неуправляемый, агрессивный и держит себя так, будто никого и ничего не боится.

Почему же, когда все становится совсем плохо, этот псих оказывается тем единственным, кто принимает Янину сторону?

ISBN 978-5-17-161609-0

© Тори Ру, текст, 2024

© Д. Бигаева, обложка, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

«Никогда не сдавайся и не унывай. Ты только набираешь разбег перед взлетом, — любил повторять мой папа. — Лично я до сих пор уверен: лучшее ждет меня впереди!»

Мне нравится эта фраза. Вспоминаю ее, когда удача отворачивается и все валится из рук, и реальность не кажется такой уж безрадостной.

Я стараюсь во всем находить положительные моменты. Ради памяти папы.

— Яна, готова? — Мама стучится в дверь, но я не отвечаю, с недоверием пялясь на отражение в зеркальной створке шкафа-купе.

На мне синее платье с пышной юбкой, едва прикрывающее колени, и туфли на шпильке. Русые волосы заплетены колоском.

Мамина дурацкая затея.

Она настаивала на блеске для губ и легком макияже, но я взвилась в истерике и отказалась наотрез.

В глазах напротив мечется безысходность. Я все отдала бы, лишь бы этого вечера не было!

Задерживаю дыхание, на секунду зажмуриваюсь и улыбаюсь папиной бесшабашной улыбкой.

— Готова, мам! Уже иду!

Мама ждет в прихожей — нарядная и ослепительно красивая; в отличие от моих, ее глаза излучают тихий свет.

— Вот и замечательно. Игорь уже приехал.

Вслед за мамой спускаюсь по гулким ступеням и выхожу из подъезда, но ноги слушаются плохо — не привыкли к каблукам.

Обычно я их не ношу. Как и платья. Как и косы-колоски.

Завидев нас, Игорь выбирается из авто и скалится во все тридцать два зуба. Он целует маму, раскрывает перед ней переднюю дверцу, оборачивается в поисках меня, но я проворно убегаю и ныряю на заднее сиденье.

В салоне пахнет дорогими сигаретами, ароматизатором воздуха и парфюмом с нотками мускуса. Запах постороннего. Чужака.

Чувства ощетиниваются в тревоге, снова хочется слинять, но я не имею права портить сегодняшний вечер. Молчать, кивать и не отвечивать — идеальный вариант моего поведения, который устраивает всех.

Повернув ключ, Игорь заводит мотор, изящно проводит пальцем по сенсорному экрану, ловит волну маминой любимой радиостанции и посылает маме загадочный взгляд.

С тоской отмечаю, насколько она счастлива...

Еще бы, ведь Игорь словно сошел с обложки журнала. Он младше мамы на пару лет, никогда не был женат, имеет весьма прибыльный бизнес. Окружил маму вниманием и заботой и как родную принял ее дочь-подростка.

Шумно вздыхаю и вжимаюсь в коричневую кожу спинки.

В апреле он ездил по делам в Прагу, и мы с мамой были приглашены «скрасить его одиночество». Тогда я в первый раз побывала в другой стране — неделю гуляла по людным площадям и тихим улочкам, а все повседневные беды и проблемы оставались где-то далеко: казалось, будто они и вовсе случились не со мной.

Впервые за долгое время я видела маму веселой.

Мне не нравилось, что Игорь появился в нашей жизни, перевернул ее вверх дном и превратил маму в вечно летающую в облаках инфантильную дурочку, но, глядя на нее тогда, я сдалась и простила ему занудство,

навязчивые нравоучения и попытки поиграть в примерного папочку.

И вот теперь сижу на заднем сиденье дорогого авто в платье и туфлях.

Шепот невидимого певца доносится из динамиков. Прислушавшись, узнаю песню и шевелю губами, повторяя знакомые с детства слова.

За запотевшими окнами моросит дождь, уличные фонари распускаются желтыми цветками, прохожие перепрыгивают ручьи и лужи под разноцветными грибами зонтов.

Мы едем в самый дорогой ресторан в городе, и разочарование отзывается болью в желудке.

Этим вечером Игорь сделает маме предложение, и она его, естественно, примет.

И моя реальность сойдет с привычных рельсов.

Нет, школа останется прежней, к единственной подруге Зое при желании я смогу добраться за двадцать минут, у меня даже сохранятся ключи от старой двушки в кирпичной пятиэтажке. Но место жительства сменится на просторные апартаменты в центре города, семья приобретет статус полной, а в моей жизни появится человек, который навсегда изменит ее.

А пока я беззвучно пою глупую песню, смотрю на преобразившуюся маму и изо всех сил стараюсь не впасть в уныние.

Глава 1

С головокружительной высоты открываются виды на разноцветные горки детской площадки, пустую стоянку внутри двора и окна соседних многоэтажных монстров. Шум летнего утра заглушает нарастающий гул: прищурившись, я нахожу в мучительно прозрачном небе его источник — серебристый самолет, раскинувший стальные крылья.

Июньское солнце нещадно палит. На лбу проступают капли пота, ладони прилипают к пластику подоконника. Я завидую счастливым, улетающим из раскаленного города к соленым морям или прохладным озерам, о которых так часто рассказывал папа.

Он много путешествовал, и когда-то давно, еще до моего рождения, успел побывать в разных удивительных местах.

А я провожу каникулы в своей новой, огромной и неуютной комнате, и с каждым днем все сильнее, до воя, тоскую по прошлому.

Тогда я была наивней и меньше, а мама не работала так фанатично и все свободное время проводила со мной. Тогда у меня было увлечение и лучший друг — папа. Тогда я могла смеяться, общаться с Зоей, ходить по квартире в пижаме и чувствовать себя как дома, не боясь нарваться на цепкий взгляд маминого мужа.

Мы живем на новом месте всего месяц, но он кажется мне нескончаемым тревожным сном.

Самолет уплывает за облако, исчезает из поля зрения, а я возвращаюсь к ноутбуку, открываю окно диалога и несколько секунд раздумываю над фразой.

«Зоя, прости. Я действительно не могу пригласить тебя. Этот Игорь — полный придурок. Давай лучше в парк сходим?»

С тоской листаю наши сообщения и вздыхаю.

«Ты зазналась? Больше не хочешь общаться? Не зовешь в гости, потому что у тебя теперь есть все, а я остаюсь в нашей дыре?» — После этого предложения от Зои прилетают лишь короткие «да» и «нет». Теперь моя подруга либо отвечает односложно, либо вообще игнорит меня.

Что ж, ее можно понять.

Мы шестнадцать лет жили по соседству, делились самыми сокровенными секретами и последней подушечкой жвачки. А сейчас я под разными предлогами отказываю ей в возможности посмотреть изнутри на эти опостылевшие до одури апартаменты.

И доводы, что мама и Игорь будут против, не прорываются.

Зоя не верит, что мама могла настолько сильно измениться и что душка Игорь на самом деле вовсе не такой милый, каким умеет казаться.

Я не ожидаю ответа от подруги, но на сей раз он приходит... И отправляет меня в нокдаун.

«Ян, не получится. Меня Марик в кино позвал».

Судорожно перечитываю сообщение еще несколько раз, но смысл остается прежним.

Зоя ведет речь о парне, который безнадежно нравится мне с первого класса.

Мы вместе учились в музыкалке, но он всегда держался особняком. Просто завести с ним разговор мне было не под силу — при нем я отчаянно трусила, трусила так, что переставала чувствовать собственное тело. Присутствие Марика выталкивало меня за грань отчаяния — щеки краснели, язык немел, беспомощный мозг тупел. Зоя знала. Утешала и помогала как могла: подстраивала встречи, плела интриги, пускала слухи для

того, чтобы сблизить нас. Но ничего не получалось: он не велся, не обращал внимания, не задерживал на мне взгляд. У меня опустились руки, а безответная любовь источила внутренности, словно смертельная болезнь.

Зоя выросла и стала красивой, настоящей Барби с пластиком вместо сердца. Общение с Мариком всегда давалось ей легко, а моя уверенность, что рано или поздно у них все срастется, превратилась в паранойю. Я часто наблюдала за ними в перерывах между занятиями и с ужасом ждала дурных новостей.

Дождалась. Зоя и Марик идут в кино. Вдвоем.

Их свидание все равно стало громом среди ясного неба. Или гулом самолета, улетевшего еще одной мечтой за облака.

Слезы льются из глаз, я никак не могу привести дыхание в норму.

«Ладно. Желаю хорошо провести время», — быстро набираю и, шмыгая носом, захопываю ноутбук.

Я хорошо знаю, почему она поступает так.

Я же теперь «живу в роскоши», а она — нет...

Шок пульсирует в груди и выжигает ее изнутри, пальцы дрожат, я рискую упасть в обморок и откидываюсь на гладкий подлокотник дивана.

Хреново. Боже, как мне хреново.

Вот так просто меня предал последний друг. Если, конечно, он у меня вообще хоть когда-то был.

Просыпаюсь на все том же скользком неудобном диване, и тяжкие воспоминания мутью отравляют все вокруг. На белых стенах застыли красные пятна солнечных бликов и длинные синие тени. Должно быть, спала я довольно долго.

Дико хочется есть, а еще — поговорить с кем-нибудь. Вывалить на кого-то все свои беды, получить дельный совет, от которого слезы мгновенно высохнут,

а улыбка вернется на законное место. Жаль, что мама на такое не способна.

В прихожей щелкает замок, звенят ключи, взвизгивают молнии.

Продираю глаза, хлопаю себя по щекам, морально готовлюсь к вечернему ужину в кругу новой семьи — странной чужой отстраненной мамы и ее занудного избранника с идиотским чувством юмора.

Но голосов за дверью не слышно — шаги и возня сменяются шумом воды и насвистыванием незатейливого мотивчика.

Выхожу из комнаты и в темноте бреду к кухонному проему.

— Привет! Как прошел день? Чем занималась? — вдохновенно и бодро интересуется Игорь, за моей спиной загорается голубоватый холодный свет.

Вздрагиваю от неожиданности, оглядываюсь, и ноги слабеют.

Вальяжно подперев накачанным плечом стену, Игорь мерзко скалится — с волос стекает вода, от голого торса исходит пар. Вокруг его бедер обернуто махровое полотенце.

Не знаю, норма ли это. Папа не жил с нами, но едва ли я могу представить его разгуливающим по квартире в таком виде. Быстро отвожу взгляд.

— Привет... — С трудом шевелю пересохшим языком и отступаю назад, больно прижимаясь лопатками к покрытию из каменной крошки. — А где мама?

— Мама задерживается, будет поздно. Дома только мы. Вдвоем.

Игорь направляется ко мне, скалится еще шире, будто не понимая, что весело сейчас только ему. Задев меня скользким локтем, протискивается на кухню и вразвалочку подходит к холодильнику.

Ужас щекочет пятки, я пулей срываюсь с места, прячусь в сумраке комнаты и не могу отдышаться. Забыва-

юсь в самый дальний угол кровати, превращаюсь в тень, лишь глаза не мигая гипнотизируют дверную ручку.

Она не поворачивается, никто не пытается войти, но меня ощутимо трясет.

В напряженной тишине хлопает входная дверь, раздается приглушенный голос мамы, и волна облегчения превращает тело в вату.

Глава 2

Чья-то рука осторожно гладит мои волосы, щекочет лоб и щеку. Открываю глаза и в лучах утреннего солнца вижу маму — она сидит на краю кровати и тихо зовет:

— Яна! Просыпайся...

— Что? Почему? — Нашариваю под подушкой телефон и хрипло протестую: — Семь утра! Вашу ж мать!.. Опять Игорь твой что-нибудь придумал?

Мама переходит на шепот:

— Яна, хватит! Он так старается найти с тобой общий язык, хотя это нелегко! Послушай... Сейчас многие в отпусках... Меня назначили исполняющей обязанности начальника отдела. Временно. Есть шанс отлично зарекомендовать себя, руководство наблюдает. Я так долго к этому шла. Да и... Перед Игорем неудобно: живем на всем готовом, а я считаю, что нужно вести совместный бюджет...

— И? — перебиваю, готовясь к худшему.

— Придется уходить раньше, а возвращаться очень поздно. Иногда возможны командировки.

Вчерашний день с его кошмарами снова встает передо мной в полный рост — час наедине с Игорем показался мне леденящим душу фильмом ужасов. Не хочу созерцать его голый торс, не хочу слушать тупые шутки и заверения, что он «в доску свой чувак».

— Но мам! — взвизгиваю и тут же прикрываю ладонью рот.

— Знаю, у нас не получится никуда выбраться этим летом. Но ты не должна сидеть в четырех стенах...

Хочется с головой закутаться в одеяло и умереть, но я лишь удрученно вглядываюсь в цветочки на ткани простыни.

— А сейчас давай позавтракаем вместе! Пожалуйста! — умоляет мама с отчаянием утопающего, и от острой жалости сжимается сердце.

Только мама может, как в омут, погружаться в любовь, без остатка доверять людям, слепо следовать за ними, не замечая очевидных вещей.

Она любила моего папу, любила настолько сильно, что была согласна на все, лишь бы быть к нему ближе.

Так на свет появилась я.

Пусть хеппи-энда не случилось, но мама казалась мне сотканной из света, пока он был жив. Я привыкла думать, что она именно такая: хрупкая, сияющая, смешливая и добрая.

Но когда отца не стало, она погасла, превратившись в бледное, молчаливое и задумчивое подобие прежней себя. Мама много курила, с головой погрузилась в работу, и все, что от нее оставалось мне, — остывший обед на плите и записки на розовых стикерах на дверце холодильника.

Нас заедала боль потери, нищета и бессилие, мои проблемы в школе росли как снежный ком, и выхода из тупика не предвиделось.

Но с появлением Игоря надежда в глазах мамы затеплилась снова.

— Мам, ну что ты! — Изображаю оптимизм, заныкав собственные переживания поглубже и понадежней. — Я так рада за тебя!

Выпутываюсь из одеяла, плетусь вслед за ней, умываюсь в ванной холодной водой, старательно и нервно одергиваю пижаму.

В столовой сразу вижу Игоря — он тепло улыбается маме, подносит к губам чашку с черным кофе, приветствует меня и указывает на стул напротив:

— Доброе утро, Яна. Присоединяйся.

Ничто не выдает в нем вчерашней игривости — он застегнут на все пуговицы, придушен петлей галстука,

собранность, бдительность и маниакальная аккуратность читаются в каждом жесте.

Без стеснения пялюсь на него в ожидании, что он проколется хоть на чем-то, но мама объявляет:

— Так, ребята. Мне пора. Заканчивайте, и, Яна, приберись тут. Ах, и вот еще что... — Она встает, забирает с полки сумочку, роется в ней и кладет на стол пару мятых купюр. — Сходите с Зоей куда-нибудь.

— Анечка, не нужно. Я сам! — Огромная лапища Игоря накрывает тонкие пальцы, блик от дорогой запонки слепит глаза. — Ты слишком балуешь Яну, но, так и быть...

Он отпускает маму, лезет за бумажником, сокрушается:

— Черт, нет купюр мельче... — И отчихляет мне в десять раз больше.

На фоне новых оранжевых бумажек мелочь, оставленная мамой, кажется жалкой.

Мама часто моргает, благодарно смотрит на Игоря, словно узрела божество.

Я отворачиваюсь. У меня нет аппетита.

Игорь провожает маму в прихожую, оттуда раздаются чавкающие звуки поцелуев, приглушенные стоны и возня, а к моему горлу подкатывает тошнота.

Ссутулившись, разглядываю свои бледные руки, и они дрожат.

Может, мне показалось?

Сегодня он был вполне мил...

Игорю тридцать семь лет, он все еще причисляет себя к современной молодежи — часто ездит в офис на дорогом байке, одевается стильно, не пропускает громких кинопремьер, повернут на вселенной «Звездных войн», коллекционирует виниловые пластинки.

Однако в присутствии мамы у Игоря активируется режим «заботливый папочка»: он запретил мне возвращаться домой после десяти, употреблять алкоголь даже

в малых количествах, а еще — категорически — приводить сюда друзей. И мама с легкостью согласилась с этими требованиями.

Зоя уверена, что это нормально: ее родители относятся к ней намного строже, она же с жаром убеждала меня, что я предвзята...

Но однажды, в приступе «разговоров по душам», Игорь сказал, что не хочет прослыть засранцем из-за рамок, в которые пытается меня загнать.

«Ты в опасном возрасте, Яна. Недавно потеряла отца, можешь наломать дров. Я сам был таким — колючим, сложным... Ты еще будешь благодарна мне, бла-бла-бла...»

А еще он, подмигнув, сказал, что любой ультиматум при желании можно обойти.

Я не поняла тогда, о чем он.

Не захотела понять. Не подала виду.

Ведь еще во время отдыха в Праге он постоянно лез ко мне с расспросами, и мама радовалась — между чокнутой дочкой и ее «принцем на белом коне» все же установился контакт.

Его манеры — ладонь, слишком надолго задержавшаяся на плече, объятия при любом удобном случае, пристальные взгляды и двусмысленные выражения — бесили, раздражали и пугали, но я бодро и непринужденно с ним общалась. Ради того чтобы мама оставалась счастливой.

Игорь возвращается в столовую и, одним глотком прикончив кофе, встает рядом.

Я напрягаюсь так, что немеют мышцы, в панике поднимаю голову, но он лишь двигает деньги поближе:

— Возьми их, ладно?

Ухмыляется и скрывается в дверях.

Темные мушки и яркие звездочки роятся перед глазами, мне не хватает воздуха, возмущение и злость не вмещаются в душу.

«Папочка» искренне заботится обо мне? Или покупает мое молчание?

Тошнит. Тянет блевать.

Долго раздумываю над произошедшим и никакого выхода не нахожу.

Быстро сгребаю бумажки со стола, комкаю их в кулаке и срываюсь с места.

